

призывая простой народ, говорили о близости и единстве русских и славянских народов, то при непосредственных контактах формировалось более скептическое мнение о «братстве» народов. Хотя взаимоотношения были хорошими, а отношение сербов и особенно болгар – дружелюбным, русские, оказавшиеся на Балканах, указывали на отсутствие духовного единства народов. С одной стороны, это отмечалось в отношении балканских славян к русским, а с другой – и в некотором дистанцировании от них самих русских. Это свидетельствует о преувеличении идеи близости славянских народов, ставшей основой панславизма. Само формирование представлений о близости русских и балканских славян было связано либо с идеализацией русско-балканской взаимности, либо с прикрытием политических планов как России, имевшей свои интересы на Балканах, так и элиты балканских славян, искавшей защиты и поддержки у России. Восприятие же на бытовом уровне, как свидетельствуют современники, было достаточно сдержанным, а почитание и преклонение перед русскими солдатами представлялось скорее проявлением благодарности, чем «братства».

Примечания

- 1 Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 472.
- 2 Там же.
- 3 Васильчиков А. И. Восточный вопрос // Первые 15 лет существования Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества по протоколам общих собраний его членов, состоявшихся в 1868–1883 гг. СПб., 1883. С. 714.
- 4 Нарочницкая Л. И. Россия и национально-освободительное движение на Балканах 1875–1878 годов. М., 1979. С. 22.
- 5 Аксаков И. С. Сочинения : в 7 т. М., 1886. Т. 1. С. 218.
- 6 Яцеров В. В Сербии 1876–1877 гг. Записки добровольца // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. С. 246.
- 7 Максимов Н. В. Две войны 1876–1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последних войн. В двух частях // Там же. С. 176.
- 8 Там же. С. 198.
- 9 Хвостов А. И. Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан. Письма // Там же. С. 234–235.
- 10 Успенский Г. И. Из Белграда. (Письмо невоенного человека) // Там же. С. 208.
- 11 Хвостов А. И. Указ. соч. С. 237.
- 12 Максимов Н. В. Указ. соч. С. 197.
- 13 Там же.
- 14 Успенский Г. И. Из Белграда. (Второе письмо невоенного человека) // Там же. С. 220.
- 15 Максимов Н. В. Указ. соч. С. 200.
- 16 Там же.
- 17 Хвостов А. И. Указ. соч. С. 232.
- 18 Коломнин С. Общий медицинский очерк Сербо-турецкой войны 1876 г. и тыла армии в Бессарабии и Румынии во время Турецкой войны 1877 г. // Русские о Сербии и сербах. С. 251.
- 19 Максимов Н. В. Две войны 1876–1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последних войн. СПб., 1879. С. 581.
- 20 Цуриков С. А. Воспоминания о войне 1877–1878 гг. // Исторический вестник. 1910. № 1. С. 128.
- 21 Петков И. В боях за Плевен // Дон. 1967. № 3. С. 134.
- 22 Цит. по: Виноградов В. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978. С. 145.
- 23 Максимов Н. В. Указ. соч. 1879. С. 583.
- 24 Там же.
- 25 Утин Е. Письма из Болгарии в 1877 г. СПб., 1879. С. 81.

УДК 94(100) "1914/19"

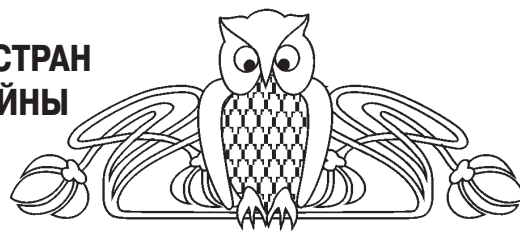
СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА В ПРОПАГАНДЕ СТРАН АНТАНТЫ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (август–декабрь 1914)

Н. В. Юдин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: nicolas.yudin@gmail.com

Статья посвящена сравнительному анализу образа врага в пропаганде стран Антанты в начале Первой мировой войны. На широком круге исторических источников рассмотрены основные элементы этого образа, этапы его развития, общие и специфические его черты для каждой из стран Антанты.

Ключевые слова: Первая мировая война, Антанта, образ врага, пропаганда, истории о немецких зверствах.

The Creation of the Image of the Enemy in Propaganda of the Countries of Entente at the Beginning of the First World War (August–December 1914)

N. V. Yudin

The article focuses on the comparative analysis of the image of the enemy in propaganda of the countries of Entente at the beginning of the First World War. On the basis of the wide range of primary sources the key elements of this image, certain stages in its development,

its common and distinguishing features in each of the countries of Entente are examined.

Key words: First World War, Entente, image of the enemy, propaganda, stories about German atrocities.

В условиях происходивших на рубеже XIX–XX вв. социальных изменений, выразившихся, в частности, во все большем вовлечении масс в политическую жизнь, неуклонном росте грамотности населения в ведущих странах Европы, создании континентальными державами армий, основанных на всеобщей воинской повинности, колоссально возрастает значение общественного мнения, а также газет как главного на тот момент средства его формирования. Первая мировая война стала поворотным моментом в развитии пропаганды как средства мобилизации общественного мнения. Многие исследователи приходят к выводу, что именно тогда было положено начало современным методам пропаганды, будь то печатная продукция, песни, фотографии или кинофильмы, была сделана первая попытка мобилизовать все общество для ведения тотальной войны¹. Одним из ключевых элементов пропаганды было создание образа врага.

Изучение этого аспекта истории Первой мировой войны долгое время находилось в тени более традиционных направлений, таких как военная, дипломатическая, социальная история. Тем не менее он не раз становился объектом исследования зарубежных, прежде всего английских, историков. В настоящее время наблюдается рост интереса ученых, в том числе российских, к социально-психологической проблематике, к проблеме человека на войне².

В историографии достаточно подробно изучены сюжеты, мотивы и тематика пропагандистских публикаций³. Специальные работы посвящены одному из главных сюжетов антантовской пропаганды периода Первой мировой войны – рассказам о немецких зверствах по отношению к военнопленным и мирному населению захваченных территорий⁴. Для нас подобные исследования представляют особое значение, так как именно этот сюжет послужил отправной точкой в создании образа врага в странах Антанты.

Обращение к подобной проблематике в рамках данной статьи представляется обоснованным потому, что в историографии отсутствуют работы, в которых проводился бы сравнительный анализ процесса складывания образа врага в пропаганде стран Антанты. К тому же предметом исследования обычно становилась пропаганда в ее законченном варианте, а период ее складывания, первых шагов правительств на этом поприще остается во многом неизученным.

В основу статьи был положен анализ публикаций наиболее авторитетных газет и журналов стран Антанты, таких как «Новое время», «Таймс», «Экономист», «Контемпорари ревю» «Тан», «Фигаро», «Матен» и др. Все вышепере-

численные издания, вне зависимости от их политической ориентации, были рассчитаны на подготовленного, образованного читателя. М. Е. Кэрролл подчеркивает, что эффект одной конкретной статьи обычно бывает невелик, но сила прессы заключается в возможности многократного повторения некой идеи, что и ведет к формированию у общественности необходимого отношения к той или иной проблеме⁵. Поэтому для нас важно было иметь по возможности полную подборку номеров газеты или журнала за рассматриваемый период, чтобы изучить их позицию в динамике, проследить на примере развития образа врага изменения в тематике и стилистике публикаций.

Помимо периодической печати мы обратились к изучению памфлетов, которые получили самое широкое распространение после начала войны. Если с точки зрения тематики памфлеты в основном развивают и конкретизируют сюжеты газетных и журнальных статей, то с точки зрения стиля и языка их сложно объединить в одну группу. Одни памфлеты рассчитаны на образованную публику и дают объяснение происходящим событиям с религиозно-философской и историко-философской точки зрения, другие рассчитаны на самого невзыскательного читателя, написаны просторечным языком, близким по своей образности к фольклору. Памфлеты являлись важным средством пропаганды во всех воюющих державах, они были призваны «достучаться» до тех слоев населения, которые оставались пассивными перед воздействием периодической печати.

Еще одним важным источником для написания статьи послужили материалы Российского государственного военно-исторического архива и Архива внешней политики Российской империи, в которых содержатся документы, позволяющие оценить значение пропаганды в период Первой мировой войны и ее специфику в разных странах Антанты.

С первых дней конфликта перед всеми воюющими странами встала необходимость обоснования своего участия в нем перед общественным мнением. От этого напрямую зависел успех мобилизации, а в случае с Англией – кампании по набору добровольцев в армию. Неудивительно поэтому, что уже в начале Первой мировой войны колоссальное значение приобретает пропагандистская деятельность: все страны стремились доказать справедливость своих целей, переложить ответственность за начало военных действий на противника. При этом следует подчеркнуть, что в средствах массовой информации война практически сразу стала трактоваться не как очередной конфликт между великими державами, а как принципиальное противостояние цивилизации и варварства, добра и зла. Так было положено начало складыванию в пропаганде образа врага. В данной статье мы постараемся выделить этапы этого процесса, показать общие и специфические его черты для каждой из стран Антанты.

Прежде всего необходимо дать определение понятию «образ врага». Вот как его формулирует Е. С. Сенявская, посвятившая этой проблеме ряд работ: «Образ врага – это представления, возникающие у социального (массового или индивидуального) субъекта о другом субъекте, воспринимаемом как несущий угрозу его интересам, ценностям или самому социальному и физическому существованию, и формируемые на совокупной основе социально-исторического и индивидуального опыта, стереотипов и информационно-пропагандистского воздействия. Образ врага, как правило, имеет символическое выражение и динамический характер, зависящий от новых внешних воздействий информационно- или суггестивного типа»⁶. На наш взгляд, это определение очень удачно, так как концентрирует внимание сразу на нескольких ключевых аспектах, составляющих феномен «образа врага». Во-первых, речь идет о том, что образ этот формируется отнюдь не только под давлением извне, посредством правительственной пропаганды (что ни в коей мере не умаляет ее значения), но имеет под собой основу в виде устойчивых социальных стереотипов. Во-вторых, важно указание на динамический характер этого образа, его способность изменяться вслед за изменением обстановки и с течением времени. Рассмотрим теперь процесс формирования образа врага в странах Антанты в начале Первой мировой войны.

Как было отмечено выше, работа в этом направлении велась во всех воюющих странах с самого начала боевых действий, другое дело, что на первых порах ей не хватало последовательности и завершенности. Так, отличительной особенностью ситуации в Англии с точки зрения развития пропаганды являлось наличие сильной оппозиции войне, представленной прежде всего радикальными изданиями. С полной силой она заявила о себе в период июльского кризиса⁷, а после начала войны часто выступала с критикой правительственной политики в отношении прессы. Ужесточение цензуры нарушало традиционный баланс в отношениях государства и средств массовой информации и встречало серьезное сопротивление. Следствием этого были сравнительно большие свобода и независимость английских изданий в первые месяцы войны. В Англии в конце 1914 г. выходят статьи и памфлеты талантливого радикального журналиста Г. Н. Брейлсфорда, в которых он утверждает, что британское правительство умышленно втравило страну в чуждый ей русско-германский конфликт⁸. Более того, по его мнению, не победа Германии, а победа авторитарной и нетерпимой России будет представлять угрозу развитию цивилизации, и поддержка ее Англией – большая ошибка⁹. Подобные публикации очевидно противоречили основным задачам пропаганды и были чреваты ухудшением отношений между союзниками. Они отражали глубоко укоренившееся у части английской элиты

неприятное отношение к Российской империи и демонстрировали ограниченность влияния правительства на содержание публикаций в начале войны. К тому же в первые месяцы войны на страницах английских газет и журналов пусть изредка, но все же встречались положительные отзывы о немцах. Так, 6 августа «Таймс» признавала: «Нам известны и отвага, и способности, и численность, и вооружения тех, кому суждено было стать нашими противниками»¹⁰. 8 августа газета «Экономист» писала: «Немцы и в Германской империи, и в Австрии – смелые и решительные люди. Они знают, что окружены, и что противник превосходит их числом, но они будут сражаться с отчаянной энергией»¹¹. Однако постепенно всякие упоминания о положительных качествах немцев, и уж тем более немецких солдат, исчезли со страниц английской прессы. Уже 11 августа газета «Таймс» отмечала, что, по имеющимся данным, немецким солдатам не хватает инициативы, что они склонны сдаваться, когда дело доходит до рукопашной схватки, «из чего можно заключить, что патриотический порыв германской армии в значительной степени иссяк под давлением трудностей во время мобилизации и осознания несправедливости своего дела»¹².

В то же время в Англии активно шел поиск тем и сюжетов, которые могли бы мобилизовать общественное мнение страны на участие в войне в Европе. Сначала пресса обратилась к легалистской трактовке участия Великобритании в войне, подчеркивая, что она стоит на страже международных договоренностей, которые открыто попирает Германия. Однако такие публикации не могли послужить основой для полномасштабной пропагандистской кампании. Как с тревогой отмечалось на страницах газеты «Таймс», в широких слоях населения преобладало мнение, что английские интересы действиями Германии не были затронуты напрямую¹³.

Но тут неожиданно кстати пришелся тот факт, что немцы, благодаря быстрому и успешному наступлению, уже с первых дней войны вели боевые действия на чужой территории¹⁴. С сентября 1914 г. самое широкое хождение в прессе Антанты получают истории о немецких зверствах в отношении мирных жителей на захваченных территориях Бельгии и Франции и в отношении военнопленных. Этот вид публикаций, содержащих зачастую либо просто сфальсифицированную, либо сильно искаженную информацию, стал одним из главных орудий антантовской пропаганды, направленной как на мобилизацию населения внутри стран Антанты, так и на воздействие на общественное мнение нейтральных стран, прежде всего США. В странах Антанты именно английская пресса раньше всех осознала значение борьбы за симпатии нейтральных стран, в первую очередь США. 5 августа 1914 г. английский корабль перерезал телеграфный кабель, проложенный по дну Атлантического океана и соединявший Германию

с Америкой. Это обрекало американские газеты, если те хотели получать свежие новости о ходе войны, на сотрудничество с английскими информационными агентствами¹⁵. Надо признать, что далеко не все истории о немецких зверствах были плодом воображения политиков и журналистов. Сами немцы своей политикой устрашения населения захваченных территорий и нейтральных стран давали пропагандистам Антанты множество реальных сюжетов. С точки зрения информационной войны и пропаганды немцы являлись идеальным противником.

При этом чрезвычайно перспективным представляется применение гендерного подхода к изучению пропагандистских материалов, который позволяет по-новому взглянуть на механизмы воздействия на общественное сознание¹⁶. Как справедливо заключает Н. Ф. Галлас¹⁷, вместо отвлеченных понятий международного права в центре внимания пропаганды оказались шокирующие образы замученных немцами женщин и детей. Участие в войне против такого противника сразу приобретало справедливый характер.

10 сентября «Таймс» признавала: «Свидетельства о систематических насилиях, творимых немцами во Франции и в Бельгии, настолько детальны, многочисленны и повсеместны, что даже люди, вполне естественно и справедливо с подозрением относящиеся к подобным историям, не могут не признать, что они, должно быть, правдивы»¹⁸. Чтобы окончательно убедить сомневающихся, газета апеллирует не столько к широко распространенным анонимным историям о замученных немцами военнопленных и мирных жителях, сколько к достоверно установленным фактам нарушения немцами законов войны. Так, цитируемая выше статья была посвящена разрушению ими бельгийского города Лувена и уничтожению его знаменитой библиотеки¹⁹. Самым настоящим варварством газета назвала бомбардировку Реймского собора²⁰. Необычно резко писал о действиях немцев 17 октября «Экономист»: «Менее чем за два месяца опустошив одну из самых процветающих и индустриально развитых стран Европы, превратив ее жителей в бездомных голодающих беженцев, разрушив ее города и уничтожив множество памятников, которые теперь уже никогда не восстановить, – сделав все это, немцы превратили Бельгию в вечный упрек Германии, о котором Европа никогда не забудет, и на который США должны смотреть с ужасом»²¹. Помимо обличений германских преступлений в этой статье содержится и указание, к кому она обращена – к общественному мнению США.

Стоит ли говорить, что новости о разрушении немцами Лувена и Реймского собора вызвали взрыв возмущения во французской прессе. «Лувен останется навечно в памяти народов, не только потому, что этот город был очагом высокой науки и культуры, но также и потому, что он стал свидетельством беспредельной жестокости ...

Пусть же кровь детей, стариков и женщин, истребленных в Лувене, падет на головы их палачей! Пусть же Лувен останется в истории постоянным напоминанием о неискупимом преступлении!»²². В том же эмоциональном ключе выдержаны статьи, посвященные обстрелу Реймского собора. Помимо обвинений в уничтожении бесценного памятника культуры немцев обвиняли в совершенно варварском пренебрежении законами войны. «Пти Паризьен» сообщала, что собор служил временным лазаретом, в котором находились не только французские, но и немецкие раненые, что он находился под защитой Красного креста, однако это никак не помешало немцам подвергнуть его бомбардировке²³. С точки зрения развития образа врага эпизод с разрушением немцами Лувена представляется своеобразным поворотным моментом. Именно тогда начался переход от легалистской трактовки причин и целей войны к описанию ее с нравственно-этических позиций.

Таким образом, первым средством создания образа врага в пропаганде стран Антанты стали описания немецких зверств. Они получили широкое распространение и во Франции и России. «Новое время», еще до войны выделявшееся среди газет особенно агрессивным и эмоциональным стилем, очень естественно и тонко с первых дней войны уловило, как надо писать подобные статьи. 12 августа на страницах газеты появилась статья «Увечие варваров XX в.»: «Доходящие до нас с разных сторон известия о невероятных в наш век насилиях и преступлениях, совершаемых озверевшими немцами над безоружными гражданами воюющих с ними держав, лишней раз показывают, что может таиться даже в наши дни под личиной культуры и прогресса у народов, основную черту которых составляют тупость и грубость души»²⁴. И в дальнейшем газета не жалела красок, чтобы убедить читателей в том, что война ведется не с обычным противником, а с «варварами», «дикарями», «врагами самой цивилизации».

Еще одним средством пропагандистских публикаций была идея о попрании немцами всех существующих законов войны: «...все ведется бесчестно: захват Люксембурга, нарушение нейтралитета Бельгии, бомбы с аэропланов, бросаемые в храмы и здания, не имеющие военного значения, обстрел Красного Креста и т. п. Немцы ведут себя так, как будто никакого права, никаких связующих действия договоров не существовало и не существует, как будто не было и нет у народов и отдельных людей ни совести, ни нравственности»²⁵. Эта идея была подхвачена и растиражирована в памфлетах²⁶.

Одновременно с этим на страницах русских изданий получила особо широкое распространение религиозная трактовка войны с Германией²⁷. Подчеркивалась особая, мессианская роль России: «С крестом в руке, с молитвой на устах идет наш народ, народ богоносец, объявить человечеству свободу»²⁸.

Апокалипсические описания разрушений и преступлений, творимых немцами, служили в случае с русской прессой сразу нескольким целям. Во-первых, они доказывали, что нынешняя война кардинально отличается от всех предыдущих войн, которые вела Россия²⁹. Немцы представляли не просто как очередной противник, а как воплощение мирового зла: «Германские военачальники во время войны преступили все законы – и божеские, и человеческие: они считают их за пустые бабьи сказки. С этим беспросветным германским варварством теперь и ведется борьба ... Успех Германии повел бы к торжеству политики крови и железа, не придающей никакого значения нравственным ценностям. Победа союзников положит конец этой варварской вакханалии грубого насилия»³⁰. Во-вторых, они должны были убедить общественное мнение, что вести войну с таким противником можно любыми средствами, оправдывали нарушение международного права самими странами Антанты: «Когда в теперешней войне немцы ссылаются на международное право, то это вызывает лишь улыбку и пожимание плечами»³¹.

С первых дней войны истории о немецких зверствах регулярно появлялись и на страницах газет Франции. 11 августа в «Тан» была опубликована статья «Германское варварство», где рассказывалось о судьбе французских, русских и итальянских путешественников, застигнутых войной на территории Германии³². Газета подчеркивала, что они подверглись бесчисленным оскорблениям, а несколько человек были хладнокровно расстреляны. «Германия ведет эту войну, как в свое время вели войны Вандалы и орды Аттилы. Германия должна быть исключена из числа цивилизованных стран»³³. «Тан» писала: «Наш нынешний противник отличается особой жестокостью. Мирное население регионов, через которые проходят немецкие войска, методично уничтожается. Немцы сжигают города и расстреливают их жителей. Доказано, что эти поджигатели и убийцы в немецкой форме не могут даже сослаться на такое смягчающее обстоятельство, как горячка боя. Они хладнокровно выполняли приказы, отданные заранее [так в тексте. – Н. Ю.]»³⁴. На протяжении первых месяцев войны «Тан» постоянно сообщала о новых свидетельствах немецкой жестокости³⁵. На основании этих историй французская газета пришла к выводу: «Германский император отдал приказ своим солдатам уничтожить нас любыми средствами. И они сознательно следуют его приказу. На месте процветавших городов высятся руины, убийства мирных жителей отмечают территории, по которым прокатилась тевтонская ярость ... Но мы столкнулись не только с варварской армией, а с целым народом, который считает себя выше остальных, который хочет править всеми и уничтожить всех несогласных с его господством»³⁶.

Таким образом, во Франции истории о немецких зверствах были призваны прежде всего

сплотить нацию, показать, что угроза, над ней нависшая, не имеет аналогов в истории и что противником Франции в этой войне является весь немецкий народ. Этого требовала логика пропагандистской войны – нельзя было допускать в изображении противника полутонков, оговорок и исключений.

Но к этой идее пресса стран Антанты пришла не сразу. Немцы традиционно воспринимались как родственная в культурном отношении нация, огромным авторитетом пользовались немецкие ученые, писатели и философы. В начале войны в антантовской пропаганде встречались публикации, в которых вина за развязывание войны возлагалась на германское руководство, генеральный штаб и милитаристские круги и проводилась мысль, что немцы как народ не могут и не должны рассматриваться в качестве врагов³⁷. Однако постепенно все большее распространение стала получать точка зрения, что в новой войне борьба идет именно с немецким народом, а не с его правительством, армией или отдельными классами³⁸. Подчеркивалось, что не составляют исключения и представители интеллектуальной элиты Германии, наоборот, именно они объявлялись ответственными за воспитание поколений немцев в духе ненависти к Англии, Франции и России³⁹.

Истории о немецких зверствах были одним из основных средств пропаганды по созданию образа врага. Этому можно дать сразу несколько объяснений. Как совершенно справедливо отмечает английский историк К. Хейст, «пропаганда только тогда становится по-настоящему эффективной, когда доступ населения к информации строго ограничен»⁴⁰. С самого начала Первой мировой войны правительства всех воюющих стран вводят жесткую цензуру всех новостей, имеющих отношение к военным действиям. Люди выстаивали очереди, чтобы купить специальные выпуски газет, но те не содержали новостей о событиях на фронтах⁴¹. В этих условиях желание населения получать хоть какую-то информацию о войне совпало с вполне конкретными материальными интересами газет: чтобы поддерживать свои продажи, им надо было чем-то привлекать читателей, что при катастрофической нехватке достоверных сведений было достаточно проблематично. В этом отношении публикация историй о немецких зверствах представлялась очень подходящей заменой настоящим новостям. К тому же рассказы о немецких зверствах идеально вписывались в формат пропагандистских публикаций, так как были обращены к чувствам читателей, отличались эмоциональностью, безапелляционностью.

Остановимся еще на некоторых сюжетах, которые, присутствуя в той или иной степени в пропагандистских материалах всех воюющих держав, служили составными элементами деятельности, направленной на создание образа врага.

Прежде всего речь идет об обвинениях в использовании запрещенных видов вооружения. К таким, в первую очередь, относились так называемые пули дум-дум и разрывные пули⁴². Применение этих боеприпасов запрещалось Гаагской конвенцией 1899 г., так как при попадании они вызывали у жертвы болевой шок и вели к мучительной смерти. Французская пресса также обвиняла германских солдат в использовании зазубренных штыков⁴³. Причем особый упор газеты делали на то, что эти штыки были изготовлены фабричным способом, а не являлись единичной переделкой. Из этого делался вывод, что немецкое правительство целенаправленно толкало своих солдат на применение такого оружия⁴⁴. Зазубренный клинок наносил рваные раны, вызывающие болевой шок, которые крайне сложно было лечить. Потому по неписанным законам, установившимся еще задолго до начала Первой мировой войны, человек, захваченный в плен с подобным оружием, не мог рассчитывать на снисхождение. Об этом упоминал в своем романе «На Западном фронте без перемен» и Э. М. Ремарк⁴⁵.

На страницах газет, журналов и памфлетов стран Антанты особое внимание акцентировалось на разобщенности Центральных держав, ограниченности их экономических и людских ресурсов⁴⁶. Эти публикации должны были не только вселить в читателей уверенность в превосходстве сил Антанты и ее неизбежной победе, но также и в определенной мере оправдать действия самих союзников. Дело в том, что Германия выступала с активными протестами против морской блокады ее побережья английским флотом, которая грозила ей голодом. Эти протесты могли привлечь на сторону Германии общественное мнение в нейтральных странах. Пропаганда стран Антанты отвечала на эти обвинения, прибегая вновь к ссылкам на немецкие зверства, и заключала: «Когда в теперешней войне немцы ссылаются на международное право, то это вызывает лишь улыбку и пожимание плечами»⁴⁷. Таким образом, создание образа врага позволяло оправдывать нарушения самими союзниками по Антанте международного права.

Наконец, объектами самой язвительной и беспощадной критики пропагандистов Антанты стали кайзер, Вильгельм II, а также немецкая культура в целом и философия в частности, воплощением которой был для них Ф. Ницше.

Автор памфлетов, скрывающийся за инициалами А. Р., не стеснялся в выражениях, описывая Вильгельма II: «Кто же этот новоявленный антихрист, апокалипсический зверь, химерическое порождение напуганной фантазии? Наполеон на глиняных ногах, воскресший Атилла, легендарно-кровожадный Тамерлан, или злорадная гримаса истории, напавшей тогу мрачного величия на огородное пугало? От макушки своей, убого начиненной, головы, мимо приказчицких усов и до последнего гвоздя... Вильгельм был и

есть солдат, только лишь грубый немецкий солдат, в самом специфически-ограниченном значении этого слова»⁴⁸. В другом памфлете, явно предназначенном для малограмотного читателя, в нарочито просторечных выражениях излагается суть разгоревшегося конфликта и рисуется образ немецкого императора: «Есть такая сумасшедшая болезнь: мания величия называется. Так этой болезни Вильгельм чуть ли не с детства подвержен был. А глядя на своего царя и все немцы с ума посходили ... Руки у них загребушие, глаза у них завидушие, а царствует у них Вильгельм Бешеный ... Думает, что не найдется на него управы, и что некому его унять!»⁴⁹. Постоянным насмешкам подвергалась внешность кайзера, в этом отношении совершенно справедливым является вывод историка Б. Хеллмана: «Острые усы немецкого кайзера, бодро стремящиеся вверх, и его подданных, слепо подражающих своему правителю, стали любимым объектом карикатуристов. В дерганье за усы был элемент кастрации врага, лишения его силы»⁵⁰.

Высмеивание врага было характерно отнюдь не только для российской пропаганды. К. Хейст пишет, что безошибочно узнаваемая внешность кайзера стала настоящим подарком для английских карикатуристов и авторов различных памфлетов⁵¹. Это было важным элементом пропаганды и служило укреплению морального духа тыла.

На наш взгляд, сосредоточение значительной части критики конкретно на фигуре кайзера преследовало вполне определенные цели. В отличие от обвинения абстрактных «немцев» в совершении разного рода преступлений в отношении мирного населения превращение немецкого императора в один из главных объектов ненависти позволяло привязать картины немецких зверств к конкретному образу, визуализировать его. Складывалась устойчивая ассоциативная связь, что в дальнейшем позволяло значительно облегчить труд пропагандистов.

Во многом этими же соображениями объясняется внимание антантовских, прежде всего английских, пропагандистов и к Ф. Ницше. По прочтении публикаций в газетах и журналах у людей, не знакомых с творчеством Ф. Ницше, складывалось представление, что именно его сочинения подстрекали немцев к жесткости в обращении с гражданскими на захваченных территориях, служили оправданием любого варварства и дикости. По мнению историка Н. Мартина, кампания против Ф. Ницше в английской прессе преследовала две основные цели. Во-первых, она давала войне объяснение с культурной и интеллектуальной точек зрения. Во-вторых, из нее следовало, что Германия не просто ответственна за эту войну, но более того, война является истинным призванием Германии⁵². Образ врага нужно было демонизировать. Английские пропагандисты приписывали Ф. Ницше совершенно невероятное влияние на формирование немецкой нации.

Для создания образа врага мало было показать варварство и дикость противника, важно было противопоставить ему высокие моральные качества своего народа и союзников. В русской прессе мотив единения народа перед лицом внешней угрозы появляется еще во время июльского кризиса, но только с началом войны он обрел свою законченность и полную силу⁵³. 3 августа «Новое время» так отреагировало на объявление Россией войны Германии и Австро-Венгрии: «Горячий отклик в миллионах русских сердец найдет Царский призыв к оружию на защиту родины и славянства ... В такие минуты, когда Верховная Власть становится на защиту национального достоинства и чести, совершается торжественный акт даже не единения, а полного и безраздельного слияния Царя с народом: устами Царя говорит народ»⁵⁴. Газета с удовлетворением отмечала похожие настроения во Франции, когда та вступила в войну: «Народное воодушевление и готовность, обнаруженные с первых же минут опасности, продолжают крепнуть во всех партиях и общественных кругах, во всем сложном механизме жизни страны, которая обладает в настоящее время общей душой, горящей желанием защищать свою родину и имущество граждан»⁵⁵. Не оставалась в долгу и французская пресса: «Русский народ с большим воодушевлением воспринял необходимость встать на защиту Святой Руси и всего славянства. В то же время народные демонстрации отличаются превосходным спокойствием, что составляет разительный контраст с тревогой, царящей в Германии»⁵⁶. О высоких боевых и моральных качествах, проявленных союзными армиями в начале войны, писала и газета «Таймс»⁵⁷.

Особое значение этот мотив приобрел в начале Первой мировой войны во французской пропаганде. Дело в том, что французское общество возлагало огромные надежды на помощь русского союзника, чья армия, как паровой каток, должна была «раскатать» Германию. Поэтому во Франции с нетерпением ждали новостей о военных успехах русской армии, о чем неоднократно сообщали в Петербург русский посол во Франции А. П. Извольский и военный агент А. А. Игнатьев⁵⁸.

Настоящим испытанием для французов и для французской пропаганды стали первые дни сентября, когда немецкие армии устремились к Парижу. 3 сентября «Фигаро» с гордостью писала: «Народ Парижа представляет прекрасный пример хладнокровия, спокойной решительности, готовности к самопожертвованию и всех тех достоинств, которые составляют во Франции чувство истинного патриотизма»⁵⁹. Но уже 4 сентября газеты опубликовали шокирующее известие: правительство покидает Париж и переезжает в Бордо. Даже А. П. Извольский, страстный сторонник русско-французского сближения, признавал, что переезд этот был настоящим бегством⁶⁰. Французская печать сделала все, чтобы смягчить негативные последствия бегства правительства. «Фи-

гаро»⁶¹ и «Пти Паризьен»⁶² уверяли читателей, что переезд вызван исключительно стремлением правительства сохранить свободу управления, не мешать военным властям организовать оборону города, избежать проблем с поддержанием порядка. Они писали, что парижане с превосходным спокойствием восприняли эту новость, признавая целесообразность действий своего правительства.

Нравственной силе союзников противопоставлялись уныние и растерянность, демонстрируемые населением Германии и Австро-Венгрии. «Экономист» описывал мобилизацию в Австро-Венгрии: неразбериха, отчаяние, слезы⁶³. «Новое время» ссылалось на сообщения русских путешественников: «Все Русские отмечают, что не видели никогда в Берлине такого количества пьяных, как в день объявления войны. С пьяными песнями, под вой женщин, берлинцы провожали запасных на русскую границу. Сами запасные плакали не меньше своих жен»⁶⁴. В первые дни войны во всех странах Антанты печатались сообщения о низком боевом духе немецких солдат⁶⁵.

Уже в этих первых публикациях прослеживается стремление интерпретировать конфликт не как политический, а как нравственный, как противостояние добра и зла, своего рода крестовый поход против варварства, дикости, презрения к праву и цивилизации. Газеты стран Антанты четко показывали, кто виноват в новой, невиданной по своим масштабам войне. Врагу отказывали в каких бы то ни было положительных качествах, причем речь шла уже не только о противостоящей армии, а обо всем народе. Создание образа врага было совершенно необходимым для борьбы за привлечение на свою сторону общественного мнения нейтральных держав, важнейшим элементом пропаганды, направленной на мобилизацию населения внутри воюющих стран. Он служил основой для оправдания войны, все возрастающего налогового бремени, ограничения гражданских свобод, позволяя поддерживать боевой дух нации на должном уровне в течение непредвиденно затянувшейся войны.

Нельзя не согласиться с Е. С. Сеньявской, которая подчеркивает: «Враг должен быть “плохим”, потому что иначе война в нравственном (и психологическом!) отношении вообще оказывается невозможной: убийство человека находится за пределами общепринятых норм человеческой морали, религиозной этики и здоровой психики. Однако врага нужно и можно убивать, потому что он как бы изначально выносится за рамки категорий, на которые эти нормы распространяются»⁶⁶.

Создание образа врага предполагало апеллирование прежде всего к эмоциям, инстинктам людей, важна была не рациональная аргументация, а убедительность и яркость образов. Потенциально газеты представляли собой идеальный инструмент для решения этой задачи, однако из рассматриваемых в данной работе изданий в полной мере этот потенциал в первые месяцы

войны был использован далеко не всеми. Очень преуспела в этом газета «Новое время». Еще в предвоенный период эта газета отличалась агрессивным, резким тоном статей и потому с началом войны самым органичным образом вписалась в отведенную ей роль в складывавшейся системе пропаганды. Газеты Англии и Франции, в частности «Таймс» и «Тан», накануне войны, как правило, выражавшие точку зрения правящей элиты своих стран, тяготели к более сдержанному и осторожному стилю публикаций. С началом войны они не спешили кардинально менять свой стиль, что в новых условиях несколько ограничивало их возможности как средства пропаганды. К тому же, что особенно характерно для английской прессы, введение военной цензуры, строгого контроля поступающей с фронта информации очень болезненно воспринималось органами печати, порождая острые споры о необходимости смягчения цензуры, о характере отношений между прессой и правительством.

Сразу после начала войны средства массовой информации во всех без исключения великих державах были заняты обоснованием их участия в новом вооруженном конфликте, доказательством справедливости их «дела». На руку журналистам и писателям во Франции и в России сыграл тот факт, что формально именно Германия выступила в качестве агрессора, что сразу резко повышало легитимность войны в глазах общественного мнения в этих странах. Отличительной особенностью пропаганды в России в начале войны является активное использование религиозных символов и сюжетов. Газеты и памфлеты писали о священной миссии русского народа по освобождению других славян от «тевтонского ига», сравнивали войну с божественным испытанием, с крестовым походом против сил зла. С одной стороны, это объясняется вполне закономерным всплеском религиозности в обществе перед лицом тяжелых и кровавых испытаний, с другой – подобная мотивировка должна была быть более близкой и доступной деревне, являвшейся опорой царской армии.

Проблема оправдания войны стояла и перед Францией. Французская пресса возлагала на державы Тройственного союза, прежде всего на Германию, всю ответственность за эскалацию конфликта с момента объявления Австро-Венгрией войны Сербии. К тому же французы никогда не забывали о потерянных Эльзасе и Лотарингии, а череда международных кризисов накануне Первой мировой войны лишь укрепила убежденность в том, что война с немцами неизбежна. Созданию образа врага во Франции способствовало то, что уже с первых дней войны боевые действия шли на ее территории, часть департаментов была оккупирована. Действия германской армии на захваченной территории вызывали яростный протест во французском обществе. При этом надежды на победу в вооруженном конфликте увязывались во многом с мощью России.

В Англии необходимость обоснования своего участия в войне стояла гораздо более остро, чем в континентальных державах. Общество накануне войны не было осведомлено о характере военных обязательств, связывавших Англию с другими членами Антанты, угрозы вторжения неприятеля на Британские острова реально не существовало, непосредственные интересы империи, на первый взгляд, затронуты не были, либералы и лейбористы выступали против союза с Россией. Их оппозицию во многом помогло сломить нарушение Германией нейтралитета Бельгии, что преподносилось как варварское нарушение международного права. Однако одного лозунга защиты прав маленьких государств было явно недостаточно для завоевания поддержки широких слоев населения. Чтобы заручиться массовой поддержкой населения, правительство развернуло активную пропагандистскую кампанию, концентрировавшуюся вокруг создания образа врага.

В итоге общность целей пропаганды в Англии, Франции и России обусловила схожесть средств их достижения, мотивов и приемов. В тоже время уже в начале войны ярко проявились специфические особенности мобилизации общественного мнения в странах Антанты, которые объяснялись уникальными социально-политическими и стратегическими условиями каждой из держав. Несмотря на то, что в рассматриваемый период антантовская пропаганда делала еще только свои первые шаги, носила импровизированный и зачастую непоследовательный характер, уже тогда были сформулированы ее базовые принципы, остававшиеся неизменными на протяжении всей войны. Одним из ее краеугольных камней стал образ врага, который развивался в русле тех тенденций, что были заложены в 1914 г.

Примечания

- ¹ *Smith L. V., Audoin-Rouzeau S., Becker A.* France and the Great War, 1914–1918. Cambridge, 2003. P. 53 ; *MacKenzie J. M.* Propaganda and Empire. The Manipulation of British Public Opinion, 1880–1960. Manchester, 1985. P. 35 ; *Sanders M. L., Taylor P. M.* British Propaganda during the First World War, 1914–1918. L., 1982. P. 2.
- ² См.: *Поршнева О. С.* «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // *Российская история.* 2010. № 2. С. 185–199.
- ³ *Winter J. M.* Popular Culture in Wartime Britain // *European Culture in the Great War : The Arts, Entertainment and Propaganda, 1914–1918.* Cambridge, 2002. P. 330–332 ; *Becker J.-J.* The Great War and the French People. N. Y., 1986. P. 40 ; *Audoin-Rouzeau S.* «Bourage de crâne» et information en France en 1914–1918 // *Les Sociétés européennes et la guerre de 1914–1918.* Paris, 1990. P. 165–167 ; *Schor R.* La France dans la première guerre mondiale. Paris, 1997. P. 72–74 ; *Тютюкин С. В.* Россия : от Великой войны – к Великой революции // *Война и общество в XX веке : в 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны.*

- М., 2008. С. 125 ; *Смирнов Н. Н.* Война и российская интеллигенция // Россия и Первая мировая война (материалы междунар. науч. коллоквиума). СПб., 1999. С. 261–266.
- 4 См.: *Read J. M.* Atrocity Propaganda, 1914–1919. L., 1941.
- 5 См.: *Carroll M. E.* French Public Opinion and Foreign Affairs. 1870–1914. L., 1931. P. 10–11.
- 6 *Сенявская Е. С.* Противники России в войнах XX в. : эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 20.
- 7 См.: *Ekstein M. G., Steiner Z. S.* The Sarajevo Crisis // British Foreign Policy Under Sir Edward Grey. Cambridge, 1977. P. 406–408.
- 8 См.: *Brailsford H. N.* The Origins of the Great War. L., 1914. P. 3.
- 9 Ibid. P. 14–16 ; The Contemporary Review. Vol. 106. 1914, September. P. 344.
- 10 The Times. 1914, 6 Aug. P. 7.
- 11 The Economist. Vol. 79. 1914, 8 Aug. P. 270.
- 12 The Times. 1914, 11 Aug. P. 5.
- 13 См.: *Wallace S.* War and the Image of Germany. British Academics. 1914–1918. Edinburgh, 1988. P. 167.
- 14 См.: *Яхимович З. П.* 1914–1918 годы : у истоков тоталитаризма и «массовой демократии» // Первая мировая война. Пролог XX в. М., 1998. С. 228.
- 15 См.: *Peterson H. C.* Propaganda for War. The Campaign against American Neutrality, 1914–1917. Washington, 1968. P. 12–14.
- 16 *Gullace N. F.* Sexual Violence and Family Honor : British Propaganda and International Law during the First World War // American Historical Review. 1997, June. Vol. 102. P. 714–743 ; *Рябов О. В.* Свои и Чужие в гендерном дискурсе российской пропаганды Первой мировой войны // Российское общество. Гендерное измерение. Иваново, 2006. С. 108–121.
- 17 См.: *Gullace N. F.* Op. cit. P. 716.
- 18 The Times. 1914, 10 Sept. P. 5.
- 19 Ibidem.
- 20 Ibid. 21 Sept. P. 8.
- 21 The Economist. Vol. 79. 1914, 17 Oct. P. 630.
- 22 Le Petit Parisien. 1914, 1 Sept. P. 1.
- 23 Ibid. 22 Sept. P. 1.
- 24 Новое время. 1914, 30 июля (12 авг.). С. 5.
- 25 Там же. 31 окт. (13 нояб.). С. 1.
- 26 См.: *Бутру Э.* Германия и война. Пг., 1914. С. 10–35.
- 27 См.: Московские ведомости. 1914, 12 (25) августа. С. 1.
- 28 *А. Р. Вильгельм II* – угроза гуманности и цивилизации. Киев, 1914. С. 3.
- 29 См.: *Викторов С. М.* Вековая борьба славянства с миром германским. Киев, 1914. С. 2–15.
- 30 См.: Новое время. 1914, 16 (29) сент. С. 4.
- 31 Там же. 17 (30) сент. С. 4.
- 32 См.: Le Temps. 1914, 11 Août. P. 2.
- 33 Ibidem.
- 34 Ibid. 22 Août. P. 2.
- 35 Ibid. 11 Août. P. 2 ; Ibid. 13 Août. P. 1 ; Ibid. 15 Août. P. 1–2 ; Ibid. 19 Sept. P. 1 ; Ibid. 22 Sept. P. 1 ; Ibid. 13 Oct. P. 1.
- 36 Le Temps. 1914, 7 Nov. P. 1.
- 37 См.: *Clutton-Brock A.* Thoughts on the War. L., 1915. P. 10–14.
- 38 См.: Новое время. 1914, 10 (23) августа. С. 3 ; Там же. 4 (17) ноября. С. 5 ; Le Temps. 1914, 7 Nov. P. 1.
- 39 См.: The Contemporary Review. Vol. 106. 1914, September. P. 327 ; Le Figaro. 1914, 10 Oct. P. 1.
- 40 *Haste C.* Keep the home fires burning. Propaganda in the First World War. L., 1977. P. 2.
- 41 *Taylor A. J. P.* Op. cit. P. 41.
- 42 См.: Новое время. 1914, 19 сент. (2 окт.). С. 1.
- 43 См.: Le Matin. 1914, 13 Sept. P. 1.
- 44 Ibidem.
- 45 См.: *Ремарк Э. М.* На Западном фронте без перемен. Минск, 1982. С. 63.
- 46 См.: Новое время. 1914, 30 сент. (13 окт.). С. 5 ; Там же. 20 окт. (2 нояб.). С. 4 ; Московские ведомости. 1914, 20 авг. (2 сент.). С. 1 ; Там же. 15 (28) окт. С. 1 ; Le Temps. 1914, 9 Sept. P. 1.
- 47 Новое время. 1914, 17 (30) сент. С. 4.
- 48 *А. Р. Вильгельм II*... С. 5–7.
- 49 Бешеный Вильгельм. М., 1914. С. 10–15.
- 50 *Хеллман Б.* Первая мировая война в лубочной литературе // Россия и Первая мировая война (материалы междунар. науч. коллоквиума). С. 304
- 51 См.: *Haste C.* Op. cit. P. 103–106.
- 52 См.: *Martin N.* Nietzsche as Hate Figure in Britain's Great War // The First World War as a Clash of Cultures. Rochester, 2006. P. 151.
- 53 См.: Архив внешней политики Российской империи [Далее – АВПРИ]. Ф. 139. Оп. 476. 1914 г. Д. 588. Л. 29–39.
- 54 Новое время. 1914, 21 июля (3 авг.). С. 1.
- 55 Там же. 28 июля (10 авг.). С. 3.
- 56 Le Temps. 1914, 2 Août. P. 2.
- 57 См.: The Times. 1914, 11 Aug. P. 5 ; Ibid. 16 Aug. P. 2.
- 58 См.: АВПРИ. Ф. 133. 1914 г. Оп. 470. Д. 60. Л. 85, 143, 159, 173 ; Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3436. Л. 28, 33, 57.
- 59 Le Figaro. 1914, 3 Sept. P. 1.
- 60 См.: АВПРИ. Ф. 133. 1914 г. Оп. 470. Д. 59. Л. 2.
- 61 См.: Le Figaro. 1914, 4 Sept. P. 1.
- 62 См.: Le Petit Parisien. 1914, 11 Sept. P. 1.
- 63 См.: The Economist. Vol. 79. 1914, 29 Aug. P. 389.
- 64 Новое время. 1914, 29 июля (11 авг.). С. 2.
- 65 Там же. 28 июля (10 авг.). С. 3 ; Le Temps. 1914, 2 Août. P. 2 ; The Times. 1914, 11 Aug. P. 5.
- 66 *Сенявская Е. С.* Указ. соч. С. 21.